

Арни Феннер

СЕРДЦЕ В ТЕНИ

Споры о том, что первично — природа или воспитание, ведутся в творческом сообществе с давних пор. Рождаются художниками или же становятся? Вправду ли некоторые являются в этот мир со скрытыми способностями, с даром, коего остальные по какой-то неведомой причине лишены? Или стать художником при помощи терпения и труда может любой? Можно ли сконструировать художника, собрать его в единое целое, как чудовище Франкенштейна, как этакий хаотичный сплав полученных навыков, жизненного опыта и воспринятых веяний?

Честно скажу: не знаю, однако подозреваю, что концепция художника-как-творения-Франкенштейна привела бы Брома в восторг, хотя сам он в этом споре, как правило, склоняется на сторону природы. И даже не подозреваю — уверен. Сумей я для объяснения, кто он таков и что делает, сочинить затейливую, абсолютно вымышленную сказку о фаустовской сделке и творческих церемониях в духе Алистера Кроули, Бром втянул бы голову в плечи, поднял брови и улыбнулся той самой, давным-давно знакомой озорной улыбкой. Его восторг перед ужасным не удивляет никого: тщательно продуманный рыночный образ «Черного Принца» прекрасно сочетается в нем с исполненным самоиронии, невероятно забавным юмором висельника. Порой я в шутку говорю, что его имя во время появлений на публике следовало бы объявлять нараспев, на манер грегорианского хора. На это он неизменно хмыкает, но, думаю, вышло бы неплохо.

Впрочем: как бы Бром ни стал «Бро-о-ом-м-мом», я просто рад, что он есть и делает то, что делает.

Однажды покойный Фрэнк Фразетта (который всю жизнь пристально следил за художниками-«конкурентами», чье творчество ему нравилось) спросил меня:

— Бром? Это его имя? А фамилия как же? Бонс?¹

И был несколько разочарован, когда я ответил:

— Нет, зовут его Джеральд, но он обычно пользуется фамилией — не из претенциозности, просто ему так больше нравится.

Но когда я упомянул о том, что именно Бром рисовал плакат для фильма Тима Бертона «Сонная Лощина», Фразетта разом повеселел:

— Вот видишь? «Бонс» ему прекрасно подошло бы! Если встретимся как-нибудь — обязательно предложу!

Встретиться им так и не довелось, но интерес к Бром и его творчеству Фразетта сохранил на всю жизнь. По выходе очередного выпуска альманаха *Spectrum Fantastic Art* он неизменно спрашивал о Броне, принимался листать альбом в поисках его работ и с улыбкой говорил:

— Ага! А вот и мистер Бонс!

«Выкормыш армии», как он сам себя аттестует, Бром рисовал с раннего детства (на сохранившихся работах тех лет изображены впечатляющие чудовища и воины). Едва отучившись два года в колледже, он окунулся в профессиональную деятельность с головой, с успехом вкладывая весь свой энтузиазм, воображение и изумительное мастерство в ролевые игры, книги, комиксы, рекламу и кино. Смешав мотивы тайных идопоклоннических культов с традициями японского аниме и классического западного фэнтези, Бром создал собственный изобразительный стиль, невероятно глубокий и притягательный.

Но этого ему показалось мало. Ему хотелось рассказать обо всем, что скрыто в его рисунках и полотнах, о лежащем за гранью созданного в сотрудничестве с такими-то компаниями и такими-то писателями. Едва увидев его очередной альбом «Приношения» (*Paper Tiger*, 2001), я понял: что-то затевается. Каждую репродукцию сопровождала короткая — почти как хайку — сентенция, но комментированная, но, скорее, дополнявшая картину. Оцените текст, сопровождавший «Стремительный шторм»: «От кожистых крыльев веяло огненным ветром войны». Или дополнение к «Марионетке» на следующей же странице: «Он говорил мне о несметных богатствах, об откровенных убийствах и о безумии. Говорил

¹ Англ. *Bones* — кости, скелет.

о деяниях порочных и низких. И я слушал. Господи, как же я слушал!» И я — тоже.

Да, тут затевалось нечто новое, столь же особое, необычное, как и его рисунки. И когда Бром начал писать романы, которые сам же и иллюстрировал... чего еще можно было пожелать? «Вырывашка», «Роза Дьявола», «Похититель детей» и «Крампус, повелитель Йоля» — все они исполнены мрачной, зловещей красоты. Мрачной, но притягательной.

Вновь это слово: «мрак»...

Им часто пользуются, описывая творчество Брома, и я, как видите, также включил его в заголовок сего предисловия, но, по моему мнению, применяя его к живописным и литературным произведениям Брома — да, говоря откровенно, и к нему самому — в него вкладывают не совсем верный смысл.

Многие годы назад кто-то предостерег меня:

— Держись от Брома подальше!

— Почему? — не понял я.

— Но он же... зло! Ты картины его видел?

Я тут же представил себе его фирменную улыбку, когда он услышит об этом.

— Зло? — переспросил я. — А кто же тогда я, если мне его творчество нравится?

На этом разговор и кончился: собеседник, несомненно, был убежден, что я осужден на вечные адские муки.

Да. Определенно, на его картинах, а теперь и в романах, немало тревожащего, а зачастую и откровенно отвратительного, но все это совершенно оправдано. Работы Брома вовсе не бессмысленны. Все это — не спекуляция на «жареном». Все это не бессердечно и не жестоко. Все это существует не просто затем, чтобы шокировать. Ни его рисунки и живопись, ни его литературное творчество ни разу не вызвали во мне ни отвращения, ни отторжения.

Цель всего творчества Брома — пробудить в нас чувства и мысли, а заодно и развлечь.

Однако важнее всего — неподдельное благородство, присущее всему, что бы Бром ни создавал. Его кисти принадле-

жат прекраснейшие из героических образов, какие мне доводилось видеть (и вы еще познакомитесь с ними на страницах этого альбома); его романы, хоть и мрачны, отнюдь не лишены проблесков надежды и человечности. Глубоко мыслящий и тонко чувствующий, Бром понимает: ярче всего свет сияет во тьме. Возможно, путешествие с ним и вгоняет вас в дрожь, но можете не сомневаться: в конце он доведет вас до дому целыми и невредимыми. Несколько синяков и ссадин не в счет. Некоторым его персонажам... скажем так, повезло куда меньше.

И это — одна из многих черт, отличающих его от современников. Искренность и блистательность его работ просто неповторимы. Он верит во все, что творит, — во все сказки, которые хочет поведать нам хоть в живописи, хоть в прозе. Бром вовсе не мрачен душой. Скорее, он — душа во мраке. И вовсе не удивительно, что его жена Лори (милейшая из женщин и также невероятно талантливая художница) послужила моделью для многих из самых запоминающихся, самых сильных по духу его полотен — в том числе «Лишенная любви», «Паутина чар» и «Утраченная нота». Во все не удивительно, что он — заботливый отец двух сыновей, Киллиана и Девина. Во все не удивительно, что я уже многие годы, работая над составлением очередного выпуска альманаха *Spectrum*, во всем полагаюсь на его интуицию и интеллект.

Во все не удивительно, что я горжусь дружбой с ним. А еще я безмерно горд тем, что именно он — главный герой сей всеобъемлющей и вполне заслуженной ретроспективы, задуманной чудесным издательством *Flesk Publications*.

Если вы его давний поклонник, вы уже пролистали это предисловие и жадно поглощаете все, напечатанное на следующих страницах. Однако если все чудеса, что собраны под этой обложкой, вам вновь, не лишайте меня удовольствия представить вам Брома — одного из самых выдающихся творцов XX, а теперь и XXI века, работающих в жанре фантастики.

Наслаждайтесь прогулкой сквозь мрак!

ПРЫТ! А ВОТ И ЧЕРТИК

Когда я закрываю глаза, пытаюсь отыскать в памяти самые ранние из воспоминаний, то вижу целую череду стремительно мелькающих образов — смутную мешанину реальных воспоминаний, слившихся в одно целое, точно дрожащий черно-белый фильм из тех, что снимали на восьмимиллиметровую пленку родители. Особняком стоит только одно, живое, цветное — настоящий «Техни-колор». Это парад огромных чудовищных роботов, маршем идущих по улицам японского города. Они издают механический рев, а танки и реактивные истребители палят по ним со всех сторон в тщетных попытках остановить их. Мне тогда было года два или три, отец служил в ВВС в звании штаб-сержанта, а жили мы в Японии, на военной базе в Татикаве. Каждое утро, покончив с фруктовыми колечками на завтрак, я смотрел «Ультрамэна», примерно так же, как многие другие дети смотрят «Улицу Сезам». Каждый день я шествовал сквозь шеренги своих солдатиков и города из конструктора «Избушки Линкольна», испуская прямо из глаз мощные лучи электричества и радостно испепеляя всех, кому не посчастливилось оказаться на пути. Воспоминания о Японии навсегда слились для меня в яркий калейдоскоп великолепных супергероев, меняющих облик, чтоб биться с гигантскими роботами и чудищами из морских глубин.

Затем отец оставил военную авиацию, и мы вернулись в Штаты — в Дикси, где четырьмя годами ранее, в 1965-м, родился я. Тут память снова становится черно-белой. Отец нашел работу в телефонной компании города Сельма, Алабама, что обрекло меня на идиллическое провинциальное детство. К счастью, судьба была ко мне благосклонна: спустя всего несколько месяцев отец решил, что лезанье вверх-вниз по телефонным столбам — не то, чем он хотел бы заниматься до конца жизни. Война во Вьетнаме была в самом разгаре, и, в то время как многие другие делали все, что могли, только бы уклониться от военной службы, отец отправился во Вьетнам добровольцем. Ему хотелось летать, хотелось удрать подальше от скучной обыденной жизни, а армия как раз

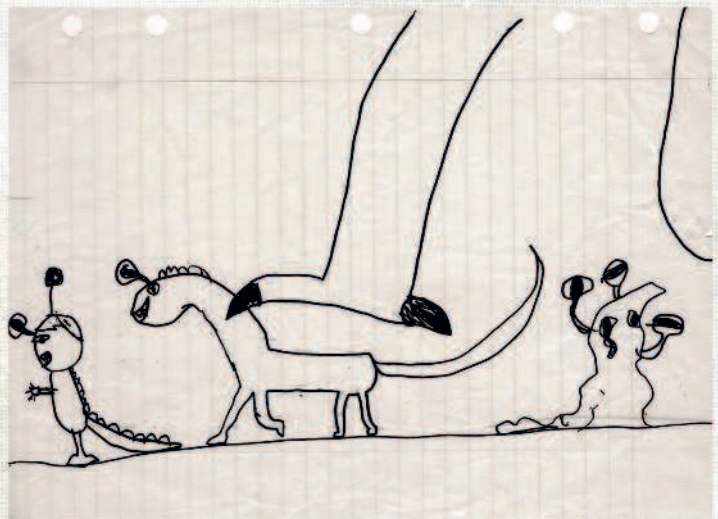
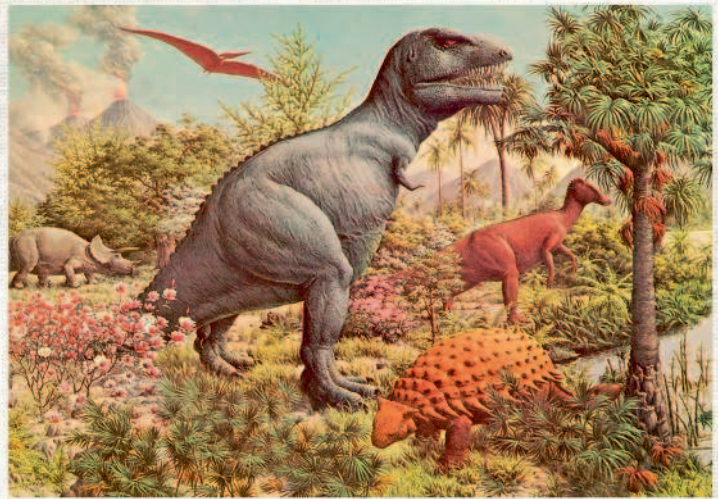
нуждалась в пилотах. Менее чем через год он уже пилотировал вертолеты во Вьетнаме, а мать, брат и я очутились в родном городе родителей — в Нортпорте, Алабама.

Воспоминания об Алабаме добеда выжжены солнцем, от палящего южного зноя их края побурели и изогнулись кверху. Большая часть их — о доме деда, о самостоятельной сельской жизни, о людях, собственными руками выращивающих и консервирующих овощи и ухаживающих за скотиной. Явственно помню шкуры гремучих змей на стене домика, жуков-носорогов с ладонь величиной, зуд от укусов красноклопов и огненных муравьев, пронзительный стрекот цикад, запах свежечыщенной рыбы... и как с опаской, сквозь щелку меж прикрывающих глаза пальцев, смотрел «Ночную Галерею» Рода Серлинга по вечерам. Но никакие телевизионные ужасы не могли сравниться с ужасами дедова подпола. Десятилетняя паутина, затягивающая крохотные оконца... Единственная лампочка без абажура, свисавшая на проводе с потолка, и длинные черные тени... Застарелая вонь сливного насоса пополам с сухой гнилью давно забытого батата... Осыпавшиеся стены из земли и камня, кишасшие «черными вдовами» и многоножками... Лабиринт из заплесневелой мебели и ящиков со старой одеждой, по которым семенят пауки-косиножки... В том возрасте я ни за что не отважился бы спуститься в эту яму один — тем более ночью — но время от времени мне составлял компанию старший брат. Мы с ним вставали под лампочкой, он спрашивал, готов ли я, и, прежде чем я успевал ответить, щелкал выключателем. Игра заключалась в том, кто дольше вытерпит — кто первым свет включил, тот и проиграл. Эта темнота... она казалась живой и такой густой, что в ней можно плыть. Как гулко стучало в ушах сердце! Я точно знал: к моему горлу медленно, дюйм за дюймом, тянутся костлявые пальцы с грязными обломанными ногтями — вот-вот схватят, уволочут в дальние закоулки подпола, и только через много дней родные найдут мою отрубленную голову плавающей в выгребной яме. В этой игре я неизменно проигрывал и по сей день, оставшись один в темноте, чувствую, как ко мне тянутся те же костлявые пальцы.

В эти-то времена и начала проявлять себя моя увлекающаяся натура. Динозавры... Их, сколько ни дай, все было мало, и я постоянно таскал домой любые книги на сей предмет, какие только удавалось откопать в местной библиотеке. А еще, конечно же, все вокруг знали, что пара-другая динозавров бродит по темным лесам Алабамы до сих пор. Уж я-то точно знал — и потратил целую кучу времени, выслеживая их. Отыскал множество свидетельств их существования — следов, костей, зубов, шерсти (шерсти?!), — но так ни одного и не увидел. И потому по вечерам изводил целые штабеля блокнотов, рисуя могучих зверей, крушащих, топчущих, жгущих людей заживо. Ну, а как же вы думали? Каждый пятилетка знает: любой приличный динозавр умеет плеваться огнем!

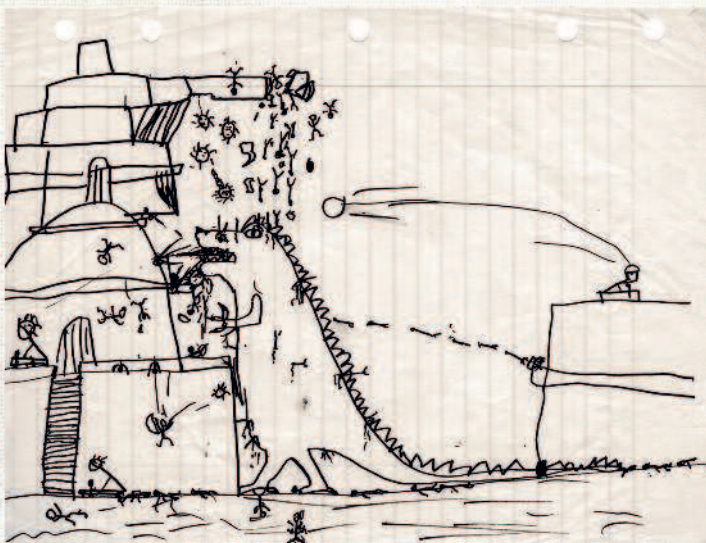
Когда отец вернулся из Вьетнама, мы переехали в Форт-Ракер, Алабама, на огромную армейскую базу, в закрытый коттеджный городок, каким еще только предстояло войти в моду. Следующие четыре года я каждый вечер засыпал и каждое утро просыпался под рев вертолетных двигателей. Наш задний двор примыкал к лесу — к моему собственному заповеднику площадью в тысячу квадратных миль, с уймой заброшенных построек времен Второй мировой для исследования! С друзьями мы строили бесчисленные крепости и шли воевать. Немало комьев земли и сосновых шишек выпало на мою долю в битвах с невероятными полчищами клингонов, вьетконговцев, пришельцев из космоса, слистаков, нацистов и гоблинов, нередко объединившихся против нас в одном и том же бою.

Каждый Хэллоуин на базе превращался в настоящее представление. Тысячи ребятишек трезвонили в двери в погоне за

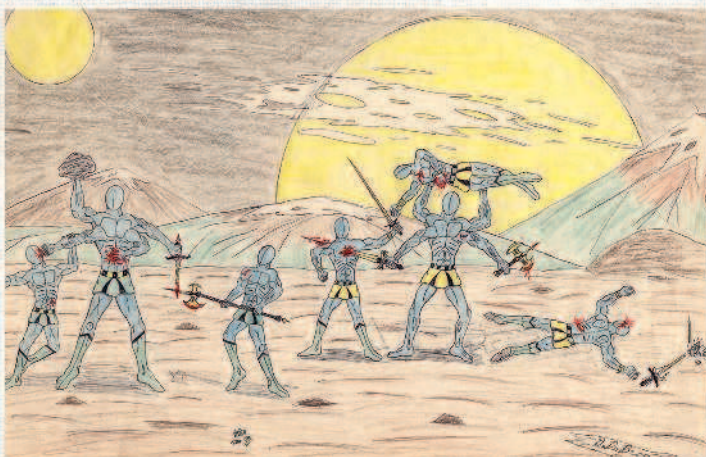

Напротив сверху: Хэллоуин каждый день. Япония, мне 3 года. **Напротив посредине:** «Ультрамэн» навсегда! **Напротив внизу:** с родителями в Японии, 1967 г. **Вверху:** фрагмент гигантской фрески Рудольфа Ф. Заллингера о динозаврах, источника вдохновения для многих моих рисунков. **Ниже:** «ПАРАД ЧУДОВИЩ», мне 5. **Внизу:** на взлетной полосе Форт-Ракера с отцом и братом, 1972 г.

Вверху: мое альтер-эго (мне 8). Ниже: «ДИНО-ХОРРОР» (нарисовано в 6). Еще ниже: пара любимых журналов ужасов моего детства. Внизу: рисунок, вдохновленный прочтением «Джона Каргера — марсианина» (11 лет).

сладостями. В любой момент навстречу мог попасться Человек На Шесть Миллионов Долларов — да не один, а целая дюжина, стая обитателей Планеты Обезьян или бесчисленные толпы Супердрузей, спующих из конца в конец улицы. Но для меня Хэллоуин не кончался с приходом 1 ноября. С головой погружаясь в самим же мной созданные фантастические миры, я продолжал играть роль еще долгое время после того, как истреплется мой вампирский плащ. С тех самых пор нет для меня большего удовольствия, чем создавать миры, населять их творениями собственной фантазии и оживлять все это при помощи слов и картин. Всего-то и разницы между тем, чем я занимался тогда и чем занимаюсь теперь: первые книги я создавал на тетрадных листах, сшитых скрепками, да еще дополнял удовольствие беготней по окрестностям в новом образе. Впрочем, некоторые обвиняют меня в том, что последнее свойственно мне и сейчас (этих слухов не стану ни подтверждать, ни опровергать).

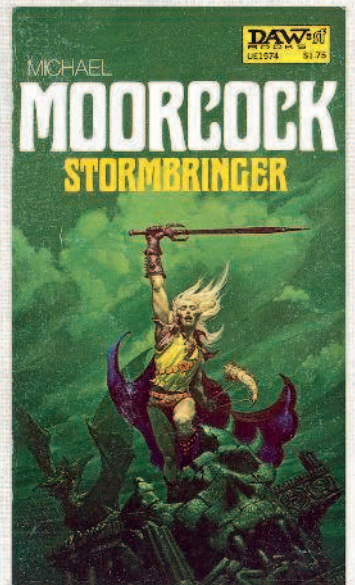
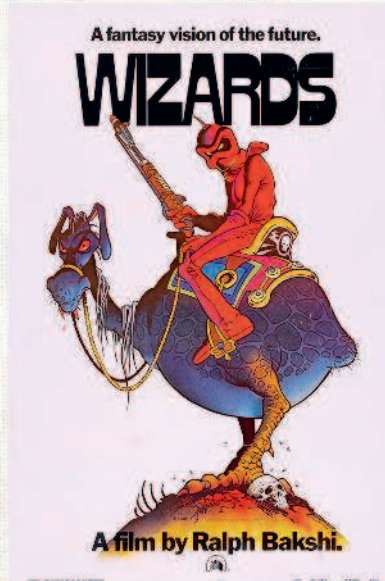
Любовь к ужасающему, макабрическому — это у меня врожденное. Однако я даже не в силах в должной мере подчеркнуть важность той роли, что сыграл в извращении моего разума брат Роберт, и силу влияния его вкусов на избранный мною путь. Именно у него — он был тремя годами старше, да еще читал такое, что ему было вовсе не по возрасту, — я впервые увидел обложку, нарисованную Фрэнком Фразеттой. Задолго до того, как прочесть его обширное собрание книг Роберта Э. Говарда, Эдгара Райса Берроуза и Дока Сэвиджа, я преклонялся перед их обложками и провел бесчисленные часы, изучая и копируя их. А еще он обладал целой сокровищницей журналов ужасов, да не просто каких-то там «Крипи» и «Эри», но и изданий столь малопочтенных, как «Террор Тэйлс», «Уирд» и «Тэйлс оф Вуду» — женоненавистнических галерей кишок и крови, подобных коим с тех пор не бывало и нет. При всякой возможности совершить набег на его комнату я упивался этими журналами и даже описать не могу, как они повлияли на мой шестилетний разум. Позднее, в раннем отрочестве, он познакомит меня с Толкином и миром *EC Comics*, подsunет мне первый роман Майкла Муркока из «Саги об Эльрике», обратит мое внимание на Монти Пайтона и Доктора Дементо, и, наконец, в мои последние годы средней школы, угостит меня едва ли не смертельной дозой панк-рока в виде *Cramps*, *Dead Boys Damned*, *Ramones* и еще сотни групп, что предоставит мне полное право отвечать на задранные носы тупоголовых школьных снобов небрежным взмахом выставленного вверх среднего пальца.

В 1976-м армия упаковала мою семью и перебросила нас на Гавайи, где я и проучился с четвертого по восьмой класс. Там я снова открыл для себя японских супергероев из раннего детства — Кикайдера, Ультрамэна, Великого Ридина. Островную жизнь я и любил, и ненавидел. От одного вида тропических лесов и пляжей захватывало дух, но общественная школа, куда мне пришлось ходить, располагалась в скверном районе. Последнее вынуждало расти и взрослеть поскорее, а взрослеть-то я как раз и не хотел — ничутьки! В то время, как прочие пацаны оклеивали комнаты плакатами рок-звезд, я все еще коллекционировал японских роботов. Столкнувшись с наркотиками, уличными бандами, межрасовыми побоищами и зверством, подобного которому в жизни не видал, я обнаружил, что нахожусь в культурной среде, где уважают только «крутость» да «четкость», а любого, кто хоть немного странен и чудаковат, высмеивают и травят. До «крутизны» мне было далеко — ох, как далеко, — хотя время от времени я, к сожалению, пытался стать крутым, из чего извлек множество весьма болезненных уроков. А вот странности и чудаковатости мне было не занимать, а потому не стоило бы и говорить, что я оказался в числе аутсайдеров.

К счастью, рядом хватало других аутсайдеров — гиков и чудаков всех мастей, и все мы проводили время ланчей и перемен в единственной тихой гавани в стенах школы, то есть в библиотеке. Для меня это были изумительные времена твор-

ческого роста и расширения познаний в поп-культуре. Около десятка моих друзей оказались талантливыми художниками, и, пока другие ученики дрались за то, какой из банд какой туалет принадлежит (никогда в жизни не мог понять, отчего кому-то хочется безраздельно владеть туалетом), мы проводили дни за рисованием и первыми настольными играми Стива Джексона (библиотекарша раз за разом изымала у нас кости и обвиняла нас в азартных играх, пока мы не убедили ее, что игры эти — «математические»). Я увлекся скейтбордом и большую часть выходных гонял по тротуарам и водостокам. Примерно в то время начали издаваться альбомы Фразетты. Достиг зенита славы журнал «Хеви Метал» с художниками наподобие Ричарда Корбена, Мёбиуса, Берни Райтсона, Джеффа Джонса и Энки Билала. Это навело меня на такие великие подпольные комиксы, как «Медленная Смерть» и «Укуренный волшебник». До беспамьяства увлеченный «Властелином Колец», я рисовал каждого персонажа и каждую сцену. В кинотеатрах шли «Бармаглот» и «Священный Грааль» Монти Пайтона. Но переломным моментом всей моей жизни послужил полнометражный мультфильм Ральфа Бакши «Волшебники». Этот-то абсолютно взрослый подход к традиционной фэнтези и определил тон всех моих дальнейших работ.

Но вот мы покинули Гавайи, и в старшую школу я пошел в Энтерпрайзе, Алабама. Здесь культурная среда состояла, во-первых, из футбола, во-вторых, из футбола, и в-третьих, из него же. В этой, будь она проклята, школе имелись два футбольных стадиона, четыре полноразмерных тренировочных поля, восемь тренеров на полном окладе и отдельная качалка исключительно для игроков в мячик, зато только под класс рисования отводилось всего полкомнаты, причем все необходимое мы, чтоб нам всем лопнуть, должны были приносить с собой. Присутствие на собраниях болельщиков было строго обязательным; на них я был вынужден то и дело выслушивать, как преподавательский состав поет дифирамбы каким-то обколотым стероидами неандертальцам, а между тем творческих и научных успехов, похоже, вообще никто не замечал! В конце нам велели склонять головы и молить Иисуса помочь нам вышибить дерьмо из команды противника вечером ближайшей пятницы. Я морщился, но терпел, однако раз допустил ошибку — не встал во время исполнения школьного гимна, за что и был наказан горячим душем из брызг слюны: какой-то краснорожий помощник тренера со вздувшимися на лбу венами взял на себя труд отчитать меня на глазах всей этой проклятой школы. Если уж обобщать, возможно, это и послужило одной из главных причин моего отворачивания к командным видам спорта.

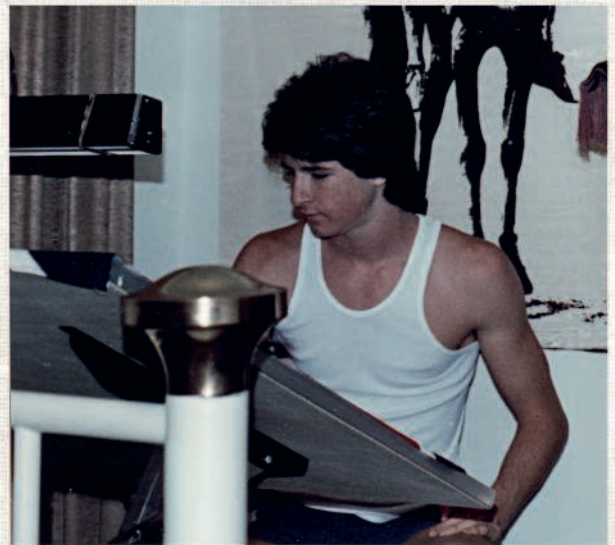

Вверху: «КОСТЛЯВАЯ СМЕРТЬ» (12 лет). **Справа вверху:** Гавайи, 1976 г. **Ниже:** Уильям Стаут, «Мир». Рекламная листовка для мультфильма «Волшебники», 1977 г. **Справа:** обложка Майкла Уилана к роману Майкла Муркока «Буреносец», издательство DAW. **Ниже:** «Орки» (15 лет). **Слева внизу:** проект эмблемы школьной футбольной команды (15 лет).

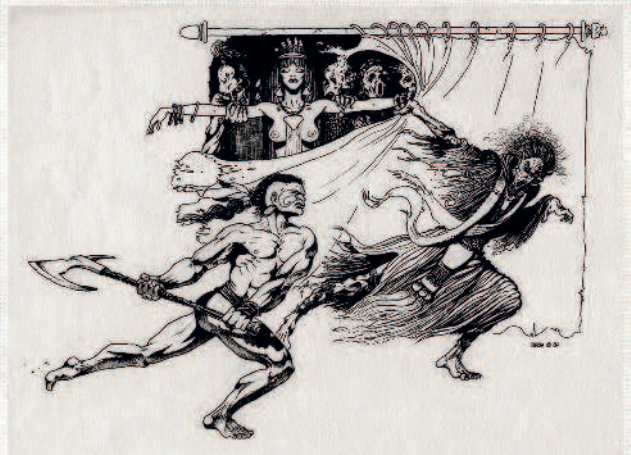

Тут я почувствовал себя еще более странным типом, чем раньше, и вскоре не просто смирился с тем, что не такой, как все, но начал упиваться этим. Я пристрастился к боевым искусствам: мне нравились сосредоточенность и дисциплина, долгие часы спаррингов и отработки ката. Брат, как я уже говорил, привил мне любовь к панк-року, и эта музыка сделалась гимном моего антиобщественного поведения. Я спешил отторгнуть других прежде, чем они успеют отторгнуть меня. Нет, если вдуматься, на самом-то деле злиться мне было особо не на что. Наверное, мне просто нравилась этакая мрачная задумчивость, ведь мрачные раздумья — прекрасная муза. Как это было мрачно, как романтично — уединиться в своей комнате, надеть наушники и с головой уйти в собственный мир, уплыть в ночную даль на волнах адреналина, порожденных рисованием. «Я им покажу, я им покажу», — и прочие подобные мотивы, знакомые всякому подростку, царили в голове, пока я заполнял рисунками альбом за альбомом. Что я намеревался «им» показать? Этого я и сам толком не понимал. Может, груды рисунков, изображающих истребляющего демонов Эльрика, а может, Фродо в плену у Шелоб... Как бы там ни было, без рисования я себя больше не мылил. Пожалуй, те дни были временем наивысшего творческого вдохновения: порой мне так не хватает какой-нибудь дурацкой хрени для мрачных раздумий!

Слева сверху: «ЭЛЬРИК» (16 лет). Ниже: без комментариев. Далее: аэрография (16 лет). В левом нижнем углу: оформление витрины (16 лет). Справа сверху: я за рабочим столом, мне 16. Справа внизу: «ЗАНАВЕС» (17 лет).

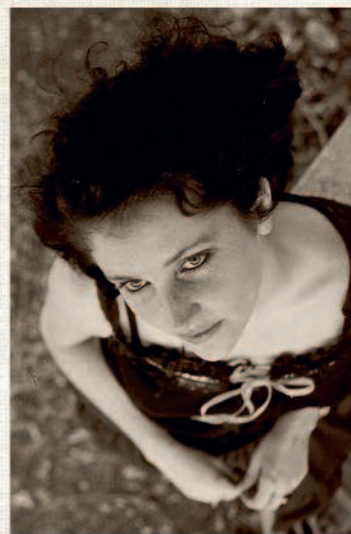

На летних каникулах в преддверии выпускного класса я посетил двухнедельные курсы рисования в Атланте, Джорджия. То был переломный момент, круто изменивший всю мою жизнь, и вовсе не из-за каких-либо творческих откровений или вдохновляющих речей педагогов. Впервые в жизни я оказался среди других «белых ворон», разделявших со мной любовь не только к рисованию, но и к той же музыке, к тем же фильмам, к авангарду и контр-культуре! Здесь я окончательно убедился, что быть таким, как я, вполне окей, выкинул из головы последние юношеские тревоги и полностью сосредоточился на своем творчестве. Одной из «белых ворон», с которыми я познакомился там, оказалась стриженная под Бетти Буп девчонка по имени Лори Йоки. Впервые она привлекла мое внимание, когда я услышал, как несколько других девчонок шепотом сговариваются не приглашать ее на ленч — она, дескать, странная. Я был сражен, и мы немедленно сдружились так, будто знали друг друга всю жизнь. Когда за ней приехали родители, я со всей уверенностью объявил, что когда-нибудь женюсь на их дочери. Это было встречено с опаской и удивлением, однако спустя четыре года мы были женаты. Заикленность? Одержимость? Где?

За этим последовала Германия — Франкфурт. Там я окончил школу, после чего год проработал гражданским охранником при въезде на базу военной полиции, осматривая машины в поисках спрятанных бомб и защищая мир от РАФ. Франкфурт я полюбил всей душой. Он был превосходной готической декорацией, вдохновлявшей мою мелодраматическую натуру, и мало что могло доставить мне большую радость, чем блуждания по булыжным мостовым холодными дождливыми ночами — подняв ворот шинели, вполголоса напевая *Kiss Off* группы *Violent Femmes...* в такие минуты казалось, будто мне под силу одолеть весь этот гребанный мир!

В 1984-м я вернулся в Атланту и начал посещать школу прикладного искусства: учиться работать с типографским набором, резать рубилитовую пленку, снимать стационарной камерой... словом, осваивать все те ремесла, что с появлением ПК отпавились следом за птицей додо. К несчастью, рисованию в этой школе не учили. Рисованию пришлось учиться самому, изучая работы любимых художников, таких как Фразетта, Говард Пайл, Джефф Джонс, Норман Рокуэлл и многие другие.

Вверху и далее, слева направо: «СХВАТКА НА ВЕРШИНЕ» (17 лет); фан-арт, вдохновленный творчеством группы *Shockabilly* (18 лет); Германия, Франкфурт, мне 18. Внизу слева: Лори Йоки. Внизу справа: работа для школы прикладного искусства, задание — сыграть на цветовых контрастах. Я получил «четыре с минусом».

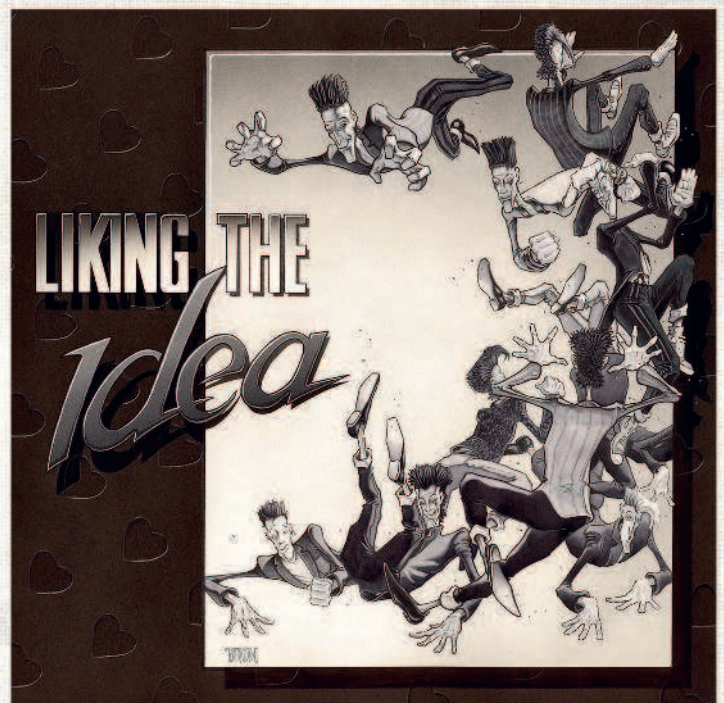

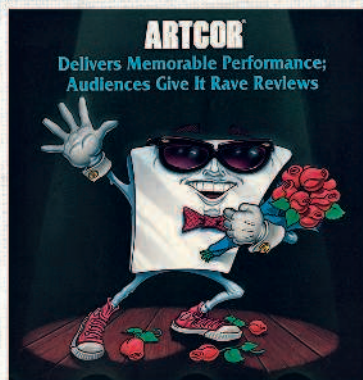

Моя будущая жена также вернулась в Атланту, чтоб завершить художественное образование, и оба мы с головой окунулись в местную музыкальную жизнь. Для музыки то были великие времена! *Gun Club*, *Black Flag*, *X*, *Meat Puppets*, *Butthole Surfers* и многие другие группы выступали на небольших площадках, где можно было запросто прыгнуть прямо к ним, на сцену, зарать, завывать... А вот выкрашенные в невообразимые цвета волосы еще воспринимались в штыки: из проезжающих машин выкрикивали ругательства, показывали «факи», и по какой-то причине мне это откровенно нравилось. Прочесывая местные барахолки, мы разживались винтажными прикидами. В те времена я сказал бы, будто все это делалось из потребности к самовыражению, или ляпнул бы еще какой-нибудь вздор, но на самом-то деле это просто был Хэллоуин крулый год, совсем как в детстве, в семь лет. Что в жизни может быть лучше ежедневного маскарада?

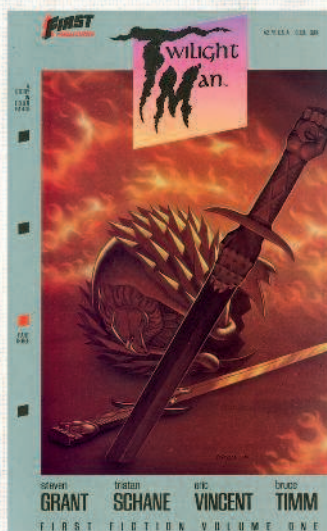
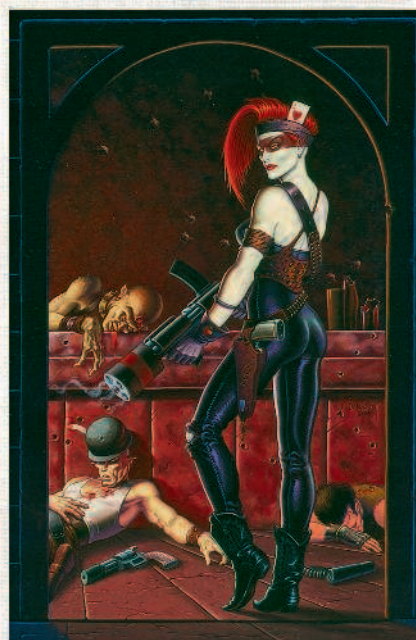

В левом верхнем углу: Оклэндское кладбище, Атланта, Джорджия, 1984 г. Ниже: мы с Лори, исполненные меланхолии; фото для одного из школьных проектов. В левом нижнем углу: «ГИТАРИСТ», аэрография, акрил, 1988 г. Справа вверху: Хоррор-рокеры, 1985 г. Справа внизу: обложка для альбома атлантской группы *Liking the Idea*, 1986 г.

Слева направо по часовой стрелке: рекламная листовка, 1986 г.; «АРТКОР-МЭН», 1989 г.; две работы из раннего портфолио: «БАЙКЕР БОБ» и «ПРОГУЛКА ПО БАРАМ», 1989 г.; обложки для «Сумеречного человека» издательства *First Comics*, 1989 г.

Закончив образование, мы с Лори решили покончить и с жизнью во грехе и завязали узелок. Я опустился до работы в рекламе — другой в Атланте было не найти. Поначалу я трепетал от восторга просто потому, что зарабатываю на жизнь своим творчеством, но вскоре осознал: коммерческая реклама губит душу. В это время все сходили с ума по «Калифорнийским изюминкам», и всем компаниям срочно захотелось, чтоб их продукция обзавелась симпатичными мордашками, ручками и ножками. Пришлось создать Арткормэна. Вот во время пламенных споров насчет того, в какой из оттенков белого его раскрасить — по-моему, дело дошло чуть не до пятой переделки, — мне и стало ясно, что из этого бизнеса пора валить, пока я никого не прикончил. Собрав портфолио из работ в жанрах ужасов и фэнтези, я принялся разъезжать по конвентам, посвященным комиксам. После множества вежливых «вы не то, что нам требуется» и ободряющих «почти, почти, но еще не совсем» мне удалось добиться заказа на обложку от *First Comics*. Оплачивался заказец дерьмово, но я буквально прыгал от радости: мне наконец-то предстояло заняться тем, для чего я был рожден! Мои старания принесли еще несколько заказов на обложки, но эта работа регулярностью не отличалась, и я еще был далек от возможности уйти из рекламы. Примерно в это время я узнал, что компания *TSR*, издатель настольных ролевых игр, подыскивает штатного художника, и тут же полетел в Висконсин на собеседование. Сказать, что там мною ничуть не впечатлились, было бы слишком мягко. Мне прямо заявили, что в списке возможных кандидатов я значусь под одним из последних номеров. В Атланту я вернулся совершенно обескураженным, но полным решимости пробиться в этот бизнес. Вооруженный одним лишь своим унылым портфолио, я решил попытать счастья среди книгоиздателей Нью-Йорка. Еще не имея никаких перспектив, я отправился туда, снял крохотную квартирку в Нью-Джерси и вернулся в Атланту за Лори и нашими пожитками. За загрузкой наемного фургончика из *U-Haul* меня и застал звонок из *TSR*. По-видимому, никто из прочих кандидатов не пожелал переезжать в маленький уединенный городишко посреди Висконсина. Что до меня, я отправился бы и на обратную сторону Луны, если бы только мог рисовать там монстров полный рабочий день. Когда они спросили, сколько времени мне нужно, чтоб утрясти дела, собрать вещи и приехать в Висконсин, я выглянул наружу, окинул взглядом загруженный *U-Haul* и ответил:

— Часов так восемь.

Получить работу в *TSR* — это было все равно что выиграть в лотерею. За какую-то неделю я превратился из разочарованного в жизни рекламного художника в работника ведущего издателя ролевых игр! Нередко, явившись на работу раньше всех, я просто глазел на рисунки, развешанные по стенам, никак не в силах поверить, что меня не только пустили сюда, но еще и позволили тоже внести свой вклад. Мне не терпелось поразить всех безмерной мощью своего таланта, однако все складывалось несколько иначе. Первые мои попытки писать маслом от звездных высот были далеки. Спасибо, что меня взяли в штат, иначе ни второго, ни третьего, ни четвертого шанса у меня бы, скорее всего, не оказалось. Я схватывал новое на лету, не в последнюю очередь благодаря потрясающему таланту окружающих — таких титанов индустрии, как Джефф Изли, Клайд Колдуэлл, Фред Филдс, Робб Раппел и Кит Паркинсон. Да, вокруг царил атмосфера творческого соперничества, и мы то и дело грызлись меж собой по самым разным поводам (соберите вместе любую группу эгоцентричных художников, и этого просто не может не произойти). Но один фактор вынуждал держаться сплоченно: у всех нас был общий враг — начальство. В те дни большинство менеджеров в *TSR*, не будучи ни художниками, ни писателями, ни даже геймерами, от творчества были далеки. Мешал ли им сей факт указывать творцам, как делать свое дело? Ну да, как же! Ничуть. В начале работы над новой обложкой развернулся сюжет, которого я не забуду до самой смерти. Мне сообщили, что это очень важная обложка, и потому велели использовать только самые дорогие краски. А? Что?! То есть мне предлагалось рисо-

Вверху: «ДИКИЙ ЭЛЬФ», 1991 г. **Внизу:** «МИНОТАВР», 1990 г. **Напротив, сверху вниз по часовой стрелке:** «МСТИТЕЛИ», 1993 г.; мое рабочее место в *TSR*, начало девяностых; моя первая выставка в Университете Алабамы; еще одно фото в *TSR*, сзади — сам Робб Раппел.

вать эту проклятую обложку исключительно розовой мареной и кобальтом фиолетовым? Ответа, за который бы меня немедленно не выставили бы за порог, я подыскать так и не сумел.

Поначалу начальству было плевать на мой стиль: меня заставляли рисовать в манере, схожей с манерой остальных штатных художников. Но мой стиль никаким сознательным усилиям не поддавался, я рисовал, как обычно, и так проработал около года. К счастью, на второй год TSR начала новый проект — *Dark Sun*. Чтоб отделить его от прежних продуктов, требовался уникальный стиль, и начальство решило, что мой как раз подойдет. Вот это был прорыв! Я получил шанс оформить всю линейку продуктов по-своему и следующие три года работал исключительно над суровым миром пустынь *Dark Sun*.

